

М. А. Родионов

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЛИВАНА

Ливан — единственная страна арабского мира, в которой ислам никогда не был преобладающей религией. Здесь это лишь один из многих компонентов сложной религиозной ситуации, которая отражена в самой структуре ливанского общества.

Население страны (по оценке 1971 г. — 2870 тыс. чел.) разделено на полтора десятка религиозных общин. Среди них — приверженцы восточного христианства: греко-православные, несториане (или «старые сирийцы»), яковиты (называющие себя «сиро-православными»), и армяно-григориане; представители церквей, заключивших унию с Ватиканом: марониты, греко-католики (или «мелькиты»), халдеи (бывшие несториане, принявшие унию), сиро-католики (бывшие яковиты, принявшие унию) и армяно-католики. С XIX в. в Ливане существует немногочисленная протестантская община. Мусульмане Ливана разделяются на суннитов, шиитов и далеко отошедших от классического ислама друзов.

В отличие от других стран региона¹ ни одна из этноконфессиональных общин Ливана не имеет абсолютного численного превосходства. Поэтому социально-политическое равновесие в Ливане неизбежно зависит от межконфессионального сотрудничества.

Современная этноконфессиональная структура населения Ливана сложилась в ходе долгой, богатой событиями истории этой страны, а история Востока, как указывал К. Маркс, часто «принимает вид истории религий»². Христианство выдержало здесь серьезную борьбу с древними ханаанейскими культами и полностью победило только в IV—V вв. Первым из городов ливанского побережья новую религию принял Тир.

Ожесточенные догматические споры вокруг термина «богочеловек» привели к тому, что помимо ортодоксальной доктрины (различавшей в Христе две природы — человеческую и божественную, нераздельно существующие в одном лице) в христианстве появилось по крайней мере два главных богословских учения, во многом противоположных одно другому. Несторианство, названное так по имени константинопольского патриарха V в. Нестория, подчеркивало раздельность и неслиянность двух природ Христа, в то время как монофизиты видели только одну божественную природу («монос» — один, «фисис» — природа) в Христе, имевшем в земной жизни не «человеческую субстанцию», а лишь комплекс «человеческих признаков». Церковь сирийских монофизитов часто называют «яковитской» в честь ее основателя эдесского епископа Якова Барадай (умер в 578 г.). Для примирения с монофизитами константинопольский патриарх Сергей (VI в.) предложил признать существование в Христе наряду с двумя природами единой воли. Монофелитство («теле-

¹ В соседней Сирии, например, только сунниты составляют 69% всего населения.

² К. Маркс, Письмо к Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 214.

ма» — воля) не получило широкого признания и вскоре было осуждено официальной церковью, подобно несторианству и монофизитству, как ересь.

Преследуемые византийскими властями христиане различных толков находили убежище в Ливанских горах. Ко времени арабского завоевания (635—640 гг.) здесь обосновались и приверженцы несторианства, и монофизиты-яковиты, и поборники монофелитства, и исповедующие православие — официальную доктрину византийской империи, — прозванные за это несколько позже «мелькитами» (т. е. «царскими»).

Жители Ливана в подавляющем большинстве своем не приняли ислама. Подобно другим «людям писания» (христианам, иудеям и сабиям), которым Коран обещает покровительство³, ливанские христиане получили правовой статус зиммиев — иноверцев, находящихся под защитой мусульман. Ранний ислам относился к покровительствуемым религиям в целом менее враждебно, чем византийская церковь к своим инаковерующим собратьям-христианам⁴. Но терпимость еще не означала равенства. Мусульманское государство гарантировало личную безопасность зиммиев, сохранение их собственности и храмов, построенных до арабского завоевания. Зиммии подлежали духовному суду своей религиозной общины, которая выступала по отношению к мусульманскому обществу как замкнутый автономный организм. Каждый свободный взрослый мужчина из зиммиев должен был выплачивать специальный подушный и поземельный налог, носить отличительную одежду, а также подвергался некоторым правовым ограничениям⁵.

К службе в мусульманской армии зиммии не привлекались, однако отдельные вспомогательные отряды, сформированные местным христианским населением, использовались для разведки и пограничной стражи. Особое место в военной организации мусульман Сирии в VII — начале VIII в. занимали «джараджима», или «джураджима» — воинственные горцы-христиане, главный город которых Джарджума находится в горной области Луккан на границе Сирии и Анатолии⁶. Из рассказа мусульманского историка Балазури⁷ известно, что джараджима неоднократно совершали набеги на территорию Сирии, а затем, заручившись поддержкой Византии, обосновались в горах Ливана, где к ним примкнуло местное население, сектанты и беглые рабы. Смешиваясь с говорящими по-арамейски жителями ливанских гор, независимые джараджима обеспечивали беглецам с побережья или из внутренней Сирии сравнительную безопасность от преследования мусульманских властей. Возможно, в это время горцев-джараджима стали называть марданитами (от арабского «марада» — бунтовать)⁸. Халифы дважды откупались от джараджима. Только в начале VIII в. было покончено с христианской вольницей, город Джарджума был разрушен, а джараджима расселены в разные районы Сирии.

Следуя обычной для Передней Азии практике, мусульманские власти неоднократно проводили массовые переселения. Это сказалось и на эт-

³ Коран, Сура 2, ст. 51; Сура 5, ст. 73.

⁴ А. Мец, Мусульманский ренессанс, М., 1966, стр. 44—45.

⁵ M. Khadduri, H. Liebesny (ed.), Law in the Middle East, vol. I, Washington, 1955, p. 335—348, 362—364.

⁶ Этимология слова «джараджима» неясна. Обычно его выводят от сирийского «гаргумайя» — бесстыдный. См.: A. Vasiliev, Kitab al-Unwan par Agapius (Manboub) de Menbij, «Patrologia Orientalis», t. VIII, Paris, 1912, p. 492—493.

⁷ M. J. de Goeje (ed.), Liber expugnationis regionum, auctore... al-Beladsori, Lugduni Batavorum, 1886, p. 159—163.

⁸ H. Lammens, Etudes sur la règne du calife Mo'awia I, «Mélanges de la Faculté Orientale de Beyrouth», vol. I, Beyrouth, 1902, p. 14. Впрочем, ливанский ученый А. Исмаил считает мардантов народом иранского происхождения, не имеющим ничего общего с джараджима арабских авторов, а их название — этнонимом, лишь схожим с арабским корнем. См.: A. Ismail, Histoire du Liban du XVIIe siècle à nos jours, vol. I, Paris, 1955, p. 188.

ническом составе жителей Ливана. Для обеспечения надежного тыла в борьбе с Византией арабские правители выслали с ливанского побережья обосновавшихся там греков и часть провизантийски настроенных местных жителей, которых сменили переселенцы из Баальбека, Хомса и Антиохии. По тем же причинам на Сидон (Сайду), Бейрут, Триполи (Тараблус) и Тир (Сур) были переселены персы.

В конце VII в. с берегов реки Оронт (Нахр аль-Асы) в горы северного Ливана мигрировали марониты — приверженцы особого, первоначально монофелитского христианского толка, названного в честь легендарного сирийского монаха Маруна (умер в 433 г.). Благодаря своему епископу, энергичному Йуханне Маруну (умер около 707 г.), марониты утвердились в труднодоступных горных районах Бшарри, Батруна и Джбейля. Пришельцы быстро слились с местным населением, и на этой основе сложилась маронитская община, сыгравшая затем важную роль в истории Ливана.

В VIII—XI вв. господство над Ливаном переходило от одной мусульманской династии к другой. Несмотря на все политические потрясения и постоянную угрозу рейдов византийского флота, экономическое положение в стране было сравнительно благоприятным. Путешественники X—XI вв. описывали оживленные и хорошо укрепленные порты, богатые базары, развитую промышленность (ткачество, производство бумаги в Тараблусе) и специализированное сельское хозяйство (молочные продукты Баальбека, виноград и мед Амиля, фруктовые сады и цветы Джбейля)⁹. В этот период начался процесс выделения духовной и светской феодальной знати, стремившейся сосредоточить в своих руках власть и земельную собственность.

Ливан служил убежищем не только для гонимых христиан. Вскоре после того, как на севере появились марониты, на юге страны осели мусульманские сектанты — шииты разного толка. Зародившись как политическое течение, шиизм (ши'ат 'Али — «партия Али», зятя Мухаммада) постепенно превратился в особую ветвь ислама с самостоятельной религиозной доктриной. В XI в. часть шиитов-исмаилитов южного Ливана образовала друзскую общину. Обычно это название выводят от прозвища доверенного лица фатимидского халифа Хакима (996—1021 гг.) перса Мухаммада ибн-Исмаила ад-Дарази. Дарази (убит в 1019 г.) был проповедником культа Хакима как окончательного телесного воплощения бога¹⁰. Сами друзы считают эту этимологию оскорбительной, так как личность Дарази не пользуется у них уважением. Они утверждают, что «друз» происходит от арабского «дурус» — уроки (священных книг), а в качестве самоназвания предпочитают термин «аль-муваххидун», т. е. «верующие в единого бога». Крупнейший из друзских догматических писателей аль-Муктана Баха ад-Дин (умер в 1042 г.), стремясь оградить малочисленную друзскую общину от преследований иноверцев, объявил ее закрытой для прозелитов. Эзотерическая друзская доктрина и священные книги стали доступны только немногим посвященным — уккалям ('уккаль — «мудрые», высшие из них — аджавид — «праведные»). Среди посвященных могли быть и женщины¹¹. Основная масса друзов (джуххаль — «непосвященные») имела о своей вере самое общее представление. Во главе друзского населения Ливана (районов Шуфа и Вади-т-Тейма) стала феодальная знать; постепенно оттеснившая уккалей от руководства общиной. Особенно возросла роль друзских феодалов по сравнению с уккалями в эпоху крестовых походов (1096—1270 гг.), когда друзы выступили против крестоносцев.

⁹ Ph. Hitti, *Lebanon in history*, London, 1957, p. 277—280.

¹⁰ G. Hodgson, *Al-Darazi and Hamza in the origin of the Druze religion*, «Journal of American Oriental Society», vol. LXXXII, № 1, March 1962, p. 5—20.

¹¹ J. Burckhardt, *Travels in Syria and the Holy Land*, London, 1822, p. 203.

Маронитская знать оказала помощь европейским завоевателям. Отряды маронитских лучников сражались на стороне крестоносцев. Марониты служили также проводниками и переводчиками¹². Тогда и были сделаны первые шаги, приведшие, в конце концов, общину Маруна от первоначального монофелитства к церковной унии с Римом и ревностной защите католических догматов.

Православные-мелькиты, хранившие верность византийской церкви, не поддержали крестоносцев. Враждебность к европейским рыцарям усилилась после захвата крестоносцами Константинополя и провозглашения Латинской империи (1204—1261 гг.).

Даже в столицах государств крестоносцев — Эдессе, Антиохии, Тараблусе, Иерусалиме — коренные жители и «франки» смешивались мало. Браки между теми и другими были довольно редки, хотя известно, что потомков крестоносцев и восточных христиан в средневековых европейских хрониках называли *pullani* (лат.) — жеребята¹³. Современник крестовых походов Усама ибн Мункиз (родился в 1095 г.) пишет о том, что европейцы, перенимая обычаи мусульман, являлись исключением¹⁴. Некоторое число «франкских» семей все же ассимилировалось среди местного, по преимуществу маронитского, населения и осталось в Ливане после поражения крестоносцев¹⁵.

Вместе с европейскими рыцарями на ливанском побережье осела группа армян, принадлежащих к национальной армянской церкви монофизитского толка, обычно называемой армяно-григорианской. Часть из них поселилась в горах северного Ливана, где в значительной мере была поглощена маронитами. Новые партии армян прибыли в Ливан после уничтожения мамлюками киликийского Армянского царства (1375 г.). Политика турецких властей, направленная на массовое выселение и истребление армян, привела к интенсивному пополнению армянской общины Ливана начиная с конца XIX в. и особенно в период резни армян в 1915—1922 гг. Последний значительный приток армянских беженцев имел место в 1939 г., когда армяне Александреттского санджака вынуждены были эмигрировать после присоединения этого района к Турции. Сейчас армянская община Ливана считается одной из самых значительных и организованных армянских колоний в странах Арабского Востока. Армянское население (около 100 тыс. чел.) проживает в основном в Бейруте, Захле и Тараблусе¹⁶.

Ливан вышел из эпохи крестовых походов резко ослабленным в экономическом отношении. За военными бедствиями следовали бедствия стихийные — землетрясения и эпидемии. Жители страны пострадали также и от религиозной политики мамлюков, преследовавших не только христиан, но и представителей мусульманских сект.

Накануне турецкого завоевания (конец XV — начало XVI в.) намечилось сближение всех групп населения Ливана вопреки конфессиональным перегородкам.

Арабский язык как разговорный был быстро усвоен арамейским населением внутренней Сирии, однако ливанские христиане — яковиты, несториане, марониты — долго сохраняли сирийский язык (эдесский диалект арамейского) в церковной службе и быту. Еще в XIII в. яковитский архиепископ Мосула считал сирийский языком Ливана¹⁷. Тем не менее си-

¹² Ph. Hitti, Указ. раб., стр. 251, 321; H. Lammens, *La Syrie*, vol. I, Beyrouth, 1921, p. 248.

¹³ P. Rondot, *Les chrétiens d'Orient*, «Cahiers de l'Afrique et l'Asie», IV, Paris, 1955, p. 20.

¹⁴ Усама ибн Мункиз, Книга назидания (пер. М. А. Салье), М., 1958, стр. 217—218.

¹⁵ R. Ristelhueber, *Traditions françaises au Liban*, Paris, 1918, p. 62—63.

¹⁶ A. Sanjian, *The Armenian communities in Syria under Ottoman domination*, Cambridge (Mass.), 1964, p. 59—61; W. Kewenig, *Die Koexistenz der Religionsgemeinschaften in Libanon*, Berlin, 1965, S. 43—45.

¹⁷ Ph. Hitti, Указ. раб., стр. 257.

рийский язык решительно вытеснялся арабским даже в духовной литературе, хотя арабский текст долгое время записывался сирийским шрифтом (каршун) или, реже, греческими буквами.

Много сходных черт имелось и в материальной культуре населения Ливана, несмотря на территориальную раздробленность страны. Межконфессиональному сближению препятствовала политика османских султанов, которые — начиная с Мехмеда II Фатиха (XV в.) — окончательно закрепили по отношению к своим немусульманским подданным систему религиозных общин-миллетов (от арабского «милла» — религиозная община, народ), сводя «географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле»¹⁸. «Греческая» (т. е. православная), армяно-григорианская и иудейская общины подчинялись своим духовным руководителям, утверждаемым специальным султанским актом — бератом, не только в религиозных, но и в гражданских вопросах (брак, бытовые и имущественные конфликты и т. д.)¹⁹. Таким образом, миллет оказывался как бы государством в государстве²⁰, а на немусульман ложился двойной гнет, так как доступ к турецкой администрации был открыт лишь главам их общин. Миллеты представляли собой особые единицы, которые хотя и назывались в официальной практике «народами», но часто не были по существу никакой этнической общностью. Так, например, «греками» (рум) именовались все православные Османской империи независимо от их национальности — греки, сербы, болгары, молдаване, валахи, грузины, арабы. Препятствуя ассимиляционным тенденциям, система миллетов вместе с тем закрепляла превосходство религиозной связи между людьми над этнической и искусственно задерживала развитие национального самосознания у народов Ближнего Востока.

Число конфессиональных общин Османской империи удвоилось в результате политики Ватикана. Одной из главных задач миссионеров было обращение «невоссоединившихся братьев», т. е. христиан некаатолических толков — православных, несториан, яковитов, армяно-григориан, коптов и др. После многих неудачных попыток усиления римской курии увенчались успехом. В XVI—XVIII вв. верховную власть папы признала часть духовенства восточных церквей. Были созданы самостоятельные униатские церковные организации.

Отделившиеся от несторианской церкви униаты (1552 г.) получили наименование «халдеи» (арабское «кильдан»), не являющееся в данном случае этнонимом. Те же, кто остался верен несторианству, предпочитают называть свою церковь не несторианской, а «восточной сирийской». Терминологическую путаницу усугубили протестантские миссионеры XIX в., создавшие из перешедших в протестанство несториан «ассирийскую американскую апостольскую церковь»²¹.

Из среды яковитов (или «сиро-православных») выделилась сирийская униатская община (1662 г.). В унию перешла часть православной (мелькитской) паствы (1709 г.) и часть армян (1740 г.). Для того чтобы подчеркнуть связь с Римом, к названию униатского толка нередко прибавляется слово «католик»: халдо-католики, сиро-католики, армяно-

¹⁸ К. Маркс, Объявление войны. — К истории возникновения восточного вопроса, К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 167.

¹⁹ «В Османской империи, в соответствии с восточными понятиями турок, византийской теократии была предоставлена возможность разрастись до такой степени, что священник в приходе является одновременно судьей, старостой, учителем, душеприказчиком... вездущим фактотумом в гражданской жизни» (К. Маркс, Греческое восстание, К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. 10, стр. 131).

²⁰ P. Rondot, Указ. раб., стр. 80—82. О миллетах см.: H. Gibb, H. Bowen, Islamic society and the West, vol. I, part II, London, 1957, p. 212; H. Zeine, Arab Turkish relations and the emergency of Arab Nationalism, Beirut, 1958, p. 28.

²¹ Ph. Hitti, Указ. раб., стр. 252—253; P. Rondot, Указ. раб., стр. 46—51, 169—170; К. М. Базили, Сирия и Палестина под турецким правительством, ч. II, СПб., 1875, стр. 286—287.

католики, греко-католики. Греко-католики, или бывшие православные, принявшие унию, позанимствовали у членов своей прежней общины название «мелькиты», которое начиная с середины XIX в. прилагается исключительно к униатам.

Марониты, вступившие в отношения с Ватиканом в эпоху крестовых походов, окончательно признали верховенство римского папы только в 1736 г. на синоде в ливанском местечке аль-Лувеиза. Маронитские делегации задолго до этого посещали Рим, а папские посланники бывали в Ливане. В 1584 г. папа Григорий XIII учредил специальную маронитскую коллегию в Риме для подготовки маронитских священников. Из нее вышел ряд хорошо известных в Европе ученых-востоковедов²². Маронитское духовенство нередко выходило из-под влияния Рима. В 1540 г. марониты пытались заключить церковный союз с православными, а в 1650 г. маронитский патриарх угрожал отлучением любому из своей паствы, кто вздумал бы исповедоваться у католического священника²³. Таким образом, миф об «исконном католичестве» маронитской общины, насаждаемый традиционной маронитской историографией, не выдерживает критики.

Такие же коллегии были созданы в Риме и для греко-католических священников (XVI в.), а позже для армяно-католического духовенства (1883 г.). Значение, которое Ватикан придавал обращению восточных христиан, проявилось также в реорганизации центрального административного аппарата курии. Основанная в 1575 г., «греческая конгрегация» становится в 1622 г. конгрегацией «пропаганды веры». В 1862 г. в конгрегации выделяется отдел, ведающий восточными культами, который преобразуется в 1917 г. в самостоятельную конгрегацию «по делам восточной церкви».

Опираясь на монашеские ордена иезуитов, францисканцев, лазаритов, кармелитов, Ватикан распространял свое влияние на восточных христиан. Католические монахи часто носили облачения местных священников и служили в церквях по-сирийски и по-арабски, соблюдая древние восточные обряды. Миссионеры обращались в первую очередь к духовной и светской верхушке общины, так что рядовые члены ее не всегда знали, что их приход или округ уже принял унию. Основная цель Ватикана состояла в том, чтобы восточные церкви подчинились власти римского папы. Различия в обрядах, литургии и т. д. отходили на второй план. Политика римской курии, отказавшейся от полной латинизации восточных культов, сформулирована еще папой Бенедиктом XIV (XVIII в.)²⁴ и подтверждена в документах ватиканского церковного собора 1963 г.

Турецкие власти долгое время не признавали униатские общины в качестве отдельных миллетов, считая единственным гражданским руководителем всех христиан Османской империи православного патриарха Константинополя. В 1762 г. исламский законодатель, рассматривая немусульман как «отдельную нацию в религиозном смысле»²⁵, утверждал, что «все неверные составляют единый миллет»²⁶. Униатские миллеты были признаны турецким правительством только после греческого восстания 1821—1829 гг., в период умеренных буржуазных реформ в Турции (тизмат). Признание получили греко-католики (1848 г.), халдеи (1861 г.), сиро-католики (1866 г.), армяно-католики (1831 г., подтверж-

²² P. Raphael, *Le rôle du collège maronite dans l'orientalisme aux XVII et XVIII siècles*, Beyrouth, 1950.

²³ R. Haddad, *Syrian Christians in Muslim society*, Princeton, 1970, p. 23—24.

²⁴ R. Etteldorf, *The Catholic church in the Middle East*, N. Y., 1959, p. 97; A. Fortescue, *The Uniate eastern churches*, N. Y., 1923, p. 34—35.

²⁵ К. Маркс, Объявление войны (К истории возникновения восточного вопроса), стр. 168.

²⁶ A. Tibawi, *American interests in Syria, 1800—1901*, Oxford, 1966, p. 110.

дено в 1867 г.). Маронитский патриарх, фактически пользовавшийся правами главы миллета, был официально признан в 1841 г.

Успехам унии способствовали этнические противоречия в среде православного духовенства. После турецкого завоевания мелькитский патриарх Антиохии (паства которого состояла преимущественно из арабов) снова попал под власть восставленного турками константинопольского патриархата. Константинополь избрал тактику устранения арабского элемента из рядов высшего духовенства в пользу греков. Конфликт между арабской паствой и греческим духовенством нередко приводил к народным волнениям²⁷. Борьба против «ксенократии», против засилья греков в высшей православной иерархии, закончившаяся победой в самом конце XIX в., явилась одним из факторов, ускоривших развитие национального самосознания среди православных арабов Сирии и Ливана.

Деятельность духовных миссий поддерживали европейские консулы. Расширительно толкуемые, главы капитуляций²⁸, представлявшие определенные привилегии европейцам, переносились на христианских подданных султана. Королевские патенты, дававшие французское подданство, бераты на чин «почетного драгомана» консульства или миссии стали массовым явлением во второй половине XVIII в.

В прибрежной торговле были заняты европейские и местные христианские купцы²⁹. Для защиты от мальтийских пиратов-католиков местные купцы обращались к французским консулам, которые имели право выдачи специальных сертификатов, удостоверяющих, что товар данного купца является «католической собственностью» и, следовательно, неприкосновенен. Разумеется, консульские сертификаты выдавались только христианам-униатам, благодаря чему унию приняло большинство крупнейших торговцев Ливана³⁰. Все это благоприятствовало образованию компрадорской буржуазии, которая состояла в основном из крупных торговцев-мелькитов, сколотивших капиталы на внешнеторговых операциях.

Так, используя экономические, политические и другие методы, католическая церковь укрепляла свое влияние, открывая путь для проникновения в Ливан капиталистическим державам.

В XVII—XIX вв. продолжалось последовательное усиление маронитской общины. Росло ее экономическое значение, увеличивалась численность, расширялась территория. Крестьяне-марониты начали осваивать земли центрального и южного Ливана, населенного друзами и шиитами. Активные в экономическом отношении маронитские колонисты развивали здесь торговлю и ремесла — занятия, считавшиеся недостойными настоящего друга. К концу XVIII в. марониты прочно утвердились на юге³¹. В связи с этим значительно шире стало употребляться название Джебель Лубнан (Горный Ливан), ранее применявшееся к северным районам — Бшарри, Батруну, Джейлю и иногда Кесруану³².

Ливанские правящие эмиры — от Фахр ад-Дина II Маана (1590—1635 гг.) до Башира II Шихаба (1788—1840 гг.) — видели залог политического единства в тесном сотрудничестве между религиозными общинами, в своего рода межконфессиональной федерации. В случае необхо-

²⁷ К. М. Базили. Указ. раб., ч. II, стр. 274—276; R. Haddad, Указ. раб., стр. 29—31, 53—54.

²⁸ Например, ст. 1 и 14 французской капитуляции 1673 г. См.: R. Haddad, Указ. раб., стр. 37, прим. 47; A. Schoroff, *Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie, 1673—1904*, Paris, 1904, p. 1—2.

²⁹ Французские купцы, платившие 3%-ную пошлину с экспорта и импорта против 5%, взимаемых с подданных султана, перевозили товары местных христианских купцов за 1% комиссионных (R. Haddad, Указ. раб., стр. 34—35, прим. 42).

³⁰ Там же, стр. 32—47.

³¹ См.: W. Polk, *The opening of South Lebanon, 1788—1840*, Cambridge (Mass.), 1963.

³² К. С а л и б и, Очерки по истории Ливана, М., 1969, стр. 27.

димости феодалы заключали политические союзы, в которые вовлекались различные слои населения, независимо от конфессиональной принадлежности. Примером таких союзов могут служить две враждующие группировки — кайситы (группа североарабских племен) и йемениты (группа племен южноарабского происхождения). Конфликт между ними захватил большинство районов арабского мира. В Ливане кайситско-йеменитское соперничество явилось своеобразной формой феодальной усобицы, в которой участвовали и выходцы из неарабских родов (например, курды) и представители арабских родов, менявшие ориентацию вопреки своему происхождению. В 1711 г. партия йеменитов потерпела решающее поражение. Друзы-йемениты были изгнаны из Ливана и обосновались восточнее — в Хуране. Уничтожив йеменитскую оппозицию друзов и подавив восстание йеменитов — шиитов³³, шихабы создали строгую иерархию друзских, маронитских и шиитских феодальных родов, имеющих право владения земельными пожалованиями — мукатаа.

Сотрудничество между конфессиональными общинами по существу ограничивалось непосредственными военными, политическими и экономическими интересами. Ливанский историк пишет по этому поводу: «В социальном плане каждая община существовала совершенно независимо от других. В одной и той же деревне отношения между соседями, принадлежавшими к разным общинам, редко выходили за рамки случайного знакомства или деловых встреч»³⁴. Особенности общественно-исторического развития каждой из общин наложили отпечаток на ее социальную организацию, морально-этические нормы, семейно-бытовые отношения, обычаи и т. д.

Большинство конфессиональных общин Ливана вплоть до недавнего времени было строго эндогамно. Особняком в этом отношении стоят представители униатских общин (обычно марониты и греко-православные), издавна заключающие браки между собой, причем дети воспитываются в вере отца³⁵.

Социальная организация друзской общины предусматривала безусловное подчинение рядовых общинников-джуххалей своим феодальным вождям, власть которых подкреплялась авторитетом духовных руководителей-уккалей. Раскол друзской общины на сторонников рода Джумблати и рода Йазбаки побудил каждую из сторон выдвинуть своего духовного главу — шейх аль-'акля³⁶.

Это разделение, существующее со второй половины XVIII в. до наших дней, еще больше связывает духовных руководителей общины со светской верхушкой. В отличие от уккалей, полностью зависевших от друзских шейхов, многочисленное маронитское духовенство³⁷ активно вмешивалось в светские дела, в случае неповиновения накладывая публичные епитимьи на мирян (независимо от их социального положения) и даже отлучая их от церкви. Последнее в условиях конфессионального общества было почти равносильно гражданской смерти³⁸.

Каждая конфессиональная община имела свое традиционное занятие. Друзы и шииты были и остаются земледельцами, подобно основной

³³ R. Patai, *Golden River to Golden Road*, Philadelphia, 1962, p. 109.

³⁴ К. Салиби, Указ. раб., стр. 29.

³⁵ К. М. Базили, Указ. раб., ч. II, стр. 268; К. Д. Петкович, Ливан и Ливанцы, «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XIX, СПб., 1885, стр. 113.

³⁶ I. Harik, *Politics and change in a traditional society. Lebanon, 1711—1845*, Princeton, 1968, p. 26.

³⁷ «В Италию насчитывается не больше епископов, чем в этом маленьком округе Сирии», — писал в конце XVIII в. К.-Ф. Вольней (C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte*, vol. I, Paris, 1783, p. 420).

³⁸ «Покинуть секту означало лишиться целого мира и жить без привязанностей, без поддержки общины, без чувства солидарности и ободряющего сознания полноты» (А. Нугани, *Syria and Lebanon*, Oxford, 1946, p. 64).

массе маронитов, среди которых, однако, широкое развитие получили также и ремесла. Марониты специализируются на разведении яблок, шииты — табака, греко-православные — оливок, сунниты — бананов и цитрусовых. Греко-православные, армяне, греко-католики и в меньшей степени сунниты выделяли значительную прослойку ремесленников и крупных купцов. Несмотря на присутствие крестьянского элемента, эти общины обычно характеризуются преимущественно как городские³⁹. Религиозные «меньшинства» — яковиты, несториане и др. — заняты неквалифицированным трудом в городах, ремеслом, а также сельским хозяйством⁴⁰.

Руководители религиозных общин, затушевывая социальные противоречия, пытались подменить классовые интересы трудящихся конфессиональными. В условиях едва начинавшейся социально-экономической дифференциации ливанского крестьянства это в определенной степени удавалось. В то же время было бы ошибкой абсолютизировать этноконфессиональные различия. Деревенские общины Ливана объединяла гордость крестьянским происхождением. Наперекор издревле бытующему на Ближнем Востоке представлению о превосходстве кочевника над оседлым и горожанина над феллахом, престиж крестьянина в Ливанских горах был гораздо выше престижа бедуина и уж по крайней мере равен положению горожанина⁴¹. Кроме районов сравнительно компактного расселения — таких, как Горный Ливан и Кесруан для маронитов, Тараблус и округ Аккар для суннитов, Сур и некоторые районы Бикаа для шиитов, Кура для греко-православных и т. д., ливанские крестьяне всех вероисповеданий на протяжении веков жили бок о бок, подчиняясь единому сельскохозяйственному календарю и обрабатывая землю одинаковыми орудиями. У членов разных конфессиональных групп похожи жилища и повседневная одежда, основная пища (за исключением традиционно запретной для мусульман) и бытовая утварь. Исследователи XVIII—XIX вв. часто подчеркивали сходство многих черт материальной и духовной культуры у основных этноконфессиональных групп Ливана⁴², их общие обычаи гостеприимства, кровной мести, затворничества женщин (в том числе и у христиан) и пр.⁴³. Значительная часть произведений ливанского фольклора распространена по всей стране. Среди них пословицы, связанные с трудовой деятельностью, некоторые сказки, лирические песни, танцы⁴⁴. Даже в такой специфической для каждой конфессиональной группы области, как ритуально-обрядовая, у населения Ливана есть нечто общее. Представители разных общин чтят одни и те же священные места (рощи, источники, могилы святых), друские женщины посещают церкви, мусульманские паломники дают обеты в монастырях, христиане используют в качестве амулетов предметы, на которых начертаны изречения из Корана⁴⁵.

³⁹ См., например: К. С а л и б и, Указ. раб., стр. 41—42.

⁴⁰ «О конфессиональном разделении труда» в ливанской деревне, т. е.: эксплуатации инноверов представителями религиозного большинства, см.: В. Н. Емельянов, Аграрные отношения в Ливане за 25 лет независимого развития (1943—1968 гг.), М., 1969, стр. 257—258.

⁴¹ R. Patai, Указ. раб., стр. 340; A. Hourani, The changing face of the Fertile Crescent in the XVIII century, «*Studia Islamica*», vol. VIII, 1957, p. 96.

⁴² К.-Ф. Вольней пишет, что друзья — это «маленький народ, который по образу жизни, способу управления, языку и обычаям крайне схож с маронитами» (С.-Ф. Во́лней, Указ. раб., т. I, стр. 428): «Русский генеральный консул в Бейруте К. Д. Петкович вообще не видел особых различий между друзьями и маронитами «в этнографическом отношении» (К. Д. Петкович, Указ. раб., стр. 111, 149).

⁴³ С.-Ф. Во́лней, Указ. раб., т. I, стр. 416, 462; т. II, стр. 326; M. Feghali, La famille catholique au Liban, «*Revue d'Ethnographie*», Paris, 1925, vol. 6, p. 291—293.

⁴⁴ M. Feghali, Contes, légendes, coutumes populaires du Liban et de Syrie, Paris, 1935, p. 3—196.

⁴⁵ С.-Ф. Во́лней, Указ. раб., т. I, стр. 451; T. Touma, Un village de montagne au Liban (Hadeh el-Jobbé), Paris, 1958, p. 142; A. Atiya, A history of Eastern Christianity, London, 1968, p. 405.

Трудный и долгий процесс преодоления межконфессиональных перегородок, интенсивно идущий с первой трети XIX в., был подготовлен социально-экономическим и культурным развитием ливанского общества в предшествующие столетия. В XVIII в. ливанские и сирийские христиане, давно уже говорившие по-арабски, освоили и литературную арабскую речь, язык Корана. Книжная речь, далекая от живых арабских диалектов, первоначально изучалась христианами в религиозных целях — ради перевода и составления догматических сочинений. Однако знакомство с богатой арабской классической литературой, с арабским культурным наследием неизбежно сближало образованных христиан с их мусульманскими коллегами. Единство литературного арабского языка стало впоследствии одним из важнейших факторов общеарабского национального самосознания.

Процесс освобождения от общинно-конфессиональных пережитков развивался в Ливане далеко не безболезненно. Ему сопутствовал острый друзко-маронитский конфликт, под знаком которого прошли 40—60-е годы XIX в. Внутренние противоречия между друзскими и маронитскими феодалами, борьба маронитской церкви как крупного феодального землевладельца за политическое влияние, сопротивление крестьянства и городского ремесленно-промышленного населения феодальному произволу привело к вооруженным столкновениям друзов и маронитов в центральном и южном Ливане в 1841 и 1845 гг. и к друзко-маронитской резне 1860 г., в которой погибло более 10 тыс. христиан. Друзко-маронитские отношения осложняла провокационная позиция турецких властей, стремившихся любой ценой сохранить свое господство над Ливаном, и соперничество европейских держав — Англии и Франции. Однако было бы неверным считать, что в «политико-религиозной драке... на сирийском побережье»⁴⁶, послужившей предлогом для французской военной экспедиции 1860—1861 гг., проявился лишь христианско-друзский антагонизм.

Христианская и мусульманская группировки не были внутренне едины. Помимо мусульман (в первую очередь шиитов), помощь друзьям оказали также местные протестанты и часть православных⁴⁷. На первоначальном этапе кризиса феодалы и крестьяне воспринимали события как борьбу вокруг феодальных привилегий. Некоторые друзские шейхи пытались привлечь в военные отряды своих издольщиков-христиан, маронитские крестьяне выступали против феодалов-единоверцев, а христианское население Захле выступило против шиитского эмира⁴⁸. В основе конфликта лежали объективные социально-классовые противоречия, нашедшие субъективное отражение в форме религиозного антагонизма.

В политическом отношении события повлекли за собой создание автономного Ливана — сначала режима двух каймакий — друзского и маронитского округов (1842—1858 гг.), а затем, с 1861 г., мутасаррифии — автономной османской провинции с губернатором-христианином, который по «Органическому статуту», утвержденному державами — гарантами, не мог быть ливанским уроженцем. Мутасаррифия включала территорию современного Ливана без Бейрута, Тараблуса, Сайды и долины Бикаа. Название «Ливан» стало впервые применяться для обозначения политической единицы. «Органический статут» отменял систему феодальных ленов-мукатаа, однако многие пережитки феода-

⁴⁶ К. Маркс, События в Сирии, К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 102.

⁴⁷ К. Д. Петкович, Указ. раб., стр. 129—130; И. М. Смилянская, Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в., М., 1965, стр. 199—200.

⁴⁸ И. М. Смилянская, Указ. раб., стр. 118, прим. 103, стр. 136.

лизма — в том числе и религиозная разобщенность — сохранились в стране до наших дней.

Испуганная событиями 40—60-х годов XIX в. компрадорская буржуазия и феодальная знать искали покровительства у иностранных государств — марониты и греки-католики у Франции, друзья и протестанты у Англии, православные у царской России. Именно тогда в маронитской среде окончательно оформилась идеалистическая концепция «религиозных наций», призывающая к идентификации религиозной и этнической принадлежности. Сложившаяся на основе положений мусульманского права о «покровительствуемых религиях» и османского института миллетов, эта доктрина утверждала существование особой маронитской «нации», друзской «нации» и т. д. И это в то время, когда само турецкое правительство вынуждено было формально отменить неравноправное положение своих немусульманских подданных. Гюльханейский хатт-и шериф (1839 г.) обещал равенство гражданских прав. В 1844 г. отменена смертная казнь за «отступничество», т. е. за возвращение обращенных в ислам христиан в прежнюю веру. Наконец, хатт-и хумаюн (1856 г.) по существу подорвал обветшавшую систему миллетов, провозглашая свободу вероисповедания и равенство всех подданных империи независимо от религии, языка и национальности, а также выдвинув принцип привлечения мирян к управлению конфессиональными общинами.

Оскорбительный термин «раяя», обозначающий немусульманское податное сословие, был заменен нейтральным «табаа» — подданные⁴⁹. Несмотря на то, что большинство законодательных положений не было проведено в жизнь, сам факт их декларирования произвел сильное впечатление на христианское население Османской империи и во многом способствовал освобождению прогрессивных представителей ливанского общества от гнета конфессиональных традиций.

Одним из лидеров ливанских просветителей был принявший протестантство⁵⁰ маронит Бутрус аль-Бустани. В 1863 г. он основал в Бейруте первую в Сирии и Ливане национальную школу, свободную от какой-либо религиозной направленности⁵¹. В Сирийском научном обществе уже сотрудничали христиане разных толков, мусульмане-сунниты и друзы, хотя первоначальные просветительские кружки, организованные миссионерами, были исключительно христианскими⁵². Даже некоторые из религиозно-философских течений нового времени проповедовали идеи общности всех религий, благотворности просвещения и т. д.⁵³

Режим мутасаррифии был отменен турецким правительством в начале первой мировой войны, а в 1920 г. под французским мандатным управлением образовалось государство «Великий Ливан», включившее в себя, помимо территории прежней мутасаррифии, прибрежные города Сур, Сайду, Бейрут, Тараблус и долину Бикаа, — районы, которые населяют преимущественно мусульмане (шииты и сунниты). Образование «Великого Ливана» изменило численное соотношение религиозных общин, лишив маронитов их доминирующего положения. Если в старом Ливане марониты составляли 73,5% всех христиан и 58,6% населения в целом, то теперь их доля сократилась соответственно до 57,4 и 28,7%.

⁴⁹ P. Rondot, Указ. раб., стр. 83—85; Ph. Hitti, Указ. раб., стр. 360; прим. 3; A. Schoroff, Указ. раб., стр. 17—24, 48—65, 95.

⁵⁰ Протестантская община, признанная султаном в 1850 г., была создана в Ливане преимущественно американскими миссионерами. В обществе, где человек не мыслится вне рамок конфессиональной общины, принятие протестантства означало порой отход от религии. См.: A. Tibawi, American interests in Syria, 1800—1901, Oxford, 1966.

⁵¹ З. И. Левин, Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте, М., 1972; стр. 66; A. Hourani, Arabic thought in the liberal age, Oxford, 1962, p. 99.

⁵² P. Rondot, Указ. раб., стр. 114.

⁵³ H. Lammen, Указ. раб., т. I, стр. 186—189.

Численный состав конфессиональных групп Ливана

Конфессиональные группы	Старый Ливан (1913 г.)		1932 г. (перепись)		1932 г. (включая эмиграцию)	
	абсолютное число	в %	абсолютное число	в %	абсолютное число	в %
Марониты	242 308	58,6	227 880	28,7	351 197	33,5
Греко-православные	52 356	12,6	77 312	9,7	134 343	12,8
Греко-католики	31 936	7,7	46 509	5,9	76 336	7,3
Протестанты	2 815	0,6	6 869	0,9	9 800	0,9
Армяно-григориане	67	0,0	26 402	3,3	28 072	2,8
Армяно-католики	—	—	5 890	0,7	6 344	0,6
Яковиты (сиро-православные)	—	—	2 723	0,3	2 820	0,3
Сиро-католики	—	—	2 803	0,3	3 115	0,3
Несториане (старые сирийцы)	—	—	190	0,0	190	0,0
Халдеи (бывшие несториане, принявшие унию)	—	—	548	0,0	573	0,0
Все христиане	329 482	79,5	397 026	49,8	612 790	58,5
Сунниты	14 529	3,5	178 130	22,4	195 335	18,6
Шииты	23 413	5,6	155 035	19,5	165 945	15,8
Друзы	47 290	11,4	53 334	6,8	62 084	6,0
Все мусульмане	85 232	20,5	386 499	48,7	423 364	40,4
Иудеисты	86	0,0	3 588	0,6	4 003	0,4
Прочие	—	—	6 393	0,9	7 656	0,7
Всего	414 800	100	793 506	100	1 047 813	100

* P. Rondot, Les institutions politiques du Liban, Paris, 1947, p. 28—29. Цитируется по: M. Suleiman, Political parties in Lebanon. The challenge of a fragmented political culture, Ithaca, N. Y., 1967, p. 18.

Перепись 1932 г. выявила новое распределение населения Ливана по конфессиональному признаку (см. таблицу).

Из приведенной таблицы ясно, что ни одна из семи основных конфессиональных общин (марониты, греко-православные, греко-католики, сунниты, шииты, друзы, армяно-григориане) не может претендовать на абсолютное преобладание. Численное соотношение христианского и мусульманского населения находится в неустойчивом равновесии. Да и сами понятия «христианский» и «мусульманский» элементы требовали уточнения. Включать ли в состав мусульман друзов, близких по доктрине к крайним течениям шиизма, но никогда не причислявших себя к мусульманам? Рассматривать армян-григориан и армян-католиков как коренных жителей Ливана или как иностранцев? Можно ли сбрасывать со счетов сотни тысяч ливанских эмигрантов (христиан по преимуществу)⁵⁴, сохраняющих тесные связи с родиной? Эти и другие вопросы представляли особую важность для Ливана, так как при французском мандате утвердилась практика пропорционального представительства общин в правительстве и государственном аппарате, отраженная еще в «Органическом статуте» 1861 г.⁵⁵ Конфессиональный момент стал неотъемлемой частью сложного комплекса социально-политических проблем, стоящих перед ливанским обществом.

Борьба с французским колониальным режимом способствовала сплочению всех групп населения Ливана. Даже маронитская верхушка, ак-

⁵⁴ W. Kewenig, Указ. раб., стр. 59—60.

⁵⁵ В 40-х годах XIX в. эмир Башир Касим пытался учредить диван на этих началах. См.: M. Kegg, Lebanon in the last years of feudalism, 1840—1868, Beirut, 1959, p. 4.

тивно поддерживавшая французскую администрацию в первые годы мандата, в конце концов присоединилась к движению за создание независимого Ливана. В антиколониальной борьбе религиозные противоречия отступили на второй план. Национально-освободительное восстание 1925—1927 гг. в Сирии и Ливане показало укрепившуюся солидарность всех слоев общества. В повстанческие отряды наряду с друзьями вступали шииты, сунниты и христиане. Попытка противопоставить восставшим «добровольческую христианскую армию», предпринятая французскими властями и влиятельными маронитскими феодалами, фактически провалилась⁵⁶.

31 декабря 1946 г. последний французский солдат покинул ливанскую землю.

Основой политического устройства независимой Ливанской Республики стал «национальный договор» 1943 г.—устное соглашение, заключенное от имени конфессиональных общин политическими деятелями — маронитом и мусульманином-суннитом. Согласно этому неписанному договору, президент республики должен быть маронитом по вероисповеданию, премьер-министр — суннитом, председатель парламента — шиитом. Правительственный и государственный аппарат Ливанской Республики комплектуется с учетом принципа пропорционального представительства религиозных общин на основе переписи 1932 г. Однако даже с поправкой на общий прирост населения данные сорокалетней давности безнадежно устарели, так как уровень рождаемости в разных общинах неодинаков. Преобладает мнение, что численность мусульманских общин растет быстрее, чем у христиан⁵⁷. Возможно, в связи с этим в Ливане не проводят новую перепись, а с 1956 г. вообще не публикуют каких-либо данных о распределении населения по конфессиональному признаку. Конституция⁵⁸ и традиция закрепляют религиозную обособленность жителей страны.

Хотя большинство населения Ливана (не считая армян) сравнительно однородно в этническом отношении, пользуется одним и тем же ливанским диалектом арабского языка и принадлежит к одному народу — ливанским арабам, традиционные конфессиональные различия позволяют говорить о сложной этноконфессиональной структуре ливанского общества, сформировавшейся под влиянием конкретных общественно-исторических и природно-географических условий.

В наши дни в Ливане продолжается процесс преодоления религиозной отчужденности, которая препятствует объединению трудящихся для защиты своих классовых интересов и затрудняет борьбу с угрозой внешней агрессии. Молодое поколение все чаще видит в конфессионализме синонимом коррупции, семейственности, отсталости.

События последних десятилетий, начиная с восстания 1958 г., постепенно убеждают даже самых консервативных представителей общин в необходимости отказа от конфессиональной ограниченности для сплочения всех патриотических сил ливанского народа.

⁵⁶ В. Б. Луцкий, Национально-освободительная война в Сирии (1925—1927), М., 1964, стр. 239, 269—275.

⁵⁷ R. Patai, Указ. раб., стр. 109.

⁵⁸ В ст. 95 Конституции Ливана говорится: «В порядке временного мероприятия... общины будут справедливо представлены в административном аппарате и при формировании правительства без ущерба для интересов государства» (Сб. «Конституции государств Ближнего и Среднего Востока», М., 1956, стр. 222).

THE ETHNO-DENOMINATIONAL STRUCTURE OF LEBANESE SOCIETY: TOWARDS THE HISTORY OF ITS FORMATION

The formation of the principal religious communities of Lebanon is traced in the article. This is the only country in the Arab world where Islam has never been predominant and where Muslim sects exist side by side with various Christian groupings. The particular circumstances of each community's socio-historical evolution have left their imprint upon its social organization, its ethical norms, relationships in its family and everyday life, etc. The system of religious communities, the «millets», established by the Ottoman sultans (proceeding from the traditional Islamic concept of «protected religions») was strongly conducive to denominational segregation. Even in our days the Lebanese Republic's political system has as its basic principle the proportional representation of denominational communities; this tends to perpetuate the division of the country's inhabitants according to religion. The author shows that inter-denominational estrangement has not, in the final analysis, prevented the formation of an ethnically homogeneous Lebanese society characterized by a certain unity of material and intellectual culture. Religious differences, however, permit it to be regarded as an entity having a complex ethno-confessional structure that has been formed under the influence of the prevailing socio-historical and geographical conditions.
